

Г. МАНН***Ответы в Россию******1**

В жизни Ленина верность великому делу неизбежно сочетается с непримиримостью ко всем, кто пытался этому делу помешать.

Отдавая должное верности, я вынужден согласиться с непримиримостью. Мне стало легче это сделать, после того как я убедился в его способности подчинять свое дело насущным потребностям живых людей. Стало быть, он любил людей так же, как и дело, поэтому он и действовал как великий человек.

Кстати сказать, его величие всегда становилось мне понятнее, когда я думал, что получилось из Германии. Здесь была только слепая ненависть к идее и делу, к идее как к обновляющему принципу и к человеческому обществу как к делу созидающего разума. Все отдано на волю глупости и случая, в результате чего у нас тоже разрушали, но разрушали без толку.

В Германии мы тоже извели экспроприацию, равно как массовый голод и вымирание целых классов. К этому нужно прибавить растление умов, не видящих перед собой и за своим страданием никакой идеи, строящей будущее. Мало ли что было в России, одно несомненно: Ленин сделал свой народ счастливее; и сам он был счастливее, чем суждено любому, кто творит в Германии.

2

На первый взгляд кажется, будто пролетарская революция в России лишь усилила сопротивление буржуазии в Западной Европе. Но давайте-ка поглядим на собственную жандармерию богачей! Фашисты всех стран куда разнузданнее, чем положено быть послушным прислужникам капитала, мир их чувств — мятеж, а не благочестие. А это объясняется в числе прочего, если не главным образом, примером России. Таково эмоциональное воздействие русской революции, что здесь, на западе, нет уже спокойно-обеспеченного существования и нет покорных, — нет

* *Генрих Манн* (1871–1950) — немецкий писатель-прозаик, общественный деятель. Старший брат Томаса Манна.

** Статья «Ответы в Россию» (1924) написана по просьбе газеты «Известия» в связи со смертью В. И. Ленина.

покорных даже среди стражей. Буржуазия сама чувствует себя обреченной после русской революции. Ей дана более или менее длительная отсрочка, она всячески приспособливается, чтобы продержаться, но она уже не та, что прежде, и с каждым днем становится все менее похожей на себя. Ее идеал «гражданской свободы» давно получил отставку. Ее идеал «образования» ушел в прошлое. Правда, здесь у нас беда в том, что буржуазный мир умирает прежде, чем подросла ему смена. Мы существуем временно, не очень-то веря в то, что мы делаем и с чем миримся. Такими мы стали, по-видимому, тоже под воздействием великого события на Востоке.